

ОТЗЫВ

на диссертацию **Черных Андрея Александровича «Антропологический принцип в русской философии во второй половине XIX века»**, представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Рассматривая основные положения, которые заданы сложившейся документальной формой (актуальность; научная новизна; степень обоснованности научных положений, выносимых на защиту и т.д.), и собственное внутренне-устойчивое отношение, к которым должно быть высказано в отзыве на диссертацию, рецензент, который внимателен к имманентной логике автора, нередко рискует впасть в тавтологичность. Впрочем, для диалектического мышления, которое, претендуя на истину, даёт «высказаться» самому предмету, такая ситуация давно не новость: словно хорошая каша, которая «сама себя хвалит», умная диссертация защищает себя сама, показывая небезразличному читателю, *кто* есть ее автор, а также в каком смысловом пространстве и в каких формах осуществляется (говоря по-гегелевски) труд его понятия. Нам стоит, следовательно, высказать только то, что диссертация в самом деле написана умно, и проследовать за разворачиванием мысли диссертанта – тем более, что он очень умело (т.е. умно) контролирует каждый шаг этой мысли, измеряя ее той *чистой формой*, выявление которой есть дело классической философии.

Вот как свою главную задачу формулирует сам автор: «Актуальный взгляд на русскую философию вообще и на антропологический принцип в русской философии в частности заключается в том, чтобы развивать историю философии не негативным путем отрицания прошлых интерпретаций, а скорее через создание новых трактовок, в которых будут полнее учтены исследования и источники, а также различные точки зрения. В настоящем исследовании представлена новая трактовка дискуссии об антропологическом принципе, согласно которой это был не столько спор между двумя философскими «партиями», сколько диалог, в ходе которого проявлялась односторонность некоторых оценок и взглядов и обосновывались идеи для синтеза двух противоположностей. Кроме того, в настоящей работе анализируются труды русских философов XIX в., наследие которых в советское время было идеологизировано, в конце XX в. – предано забвению, а в последнее десятилетие стало вспоминаться в рамках отдельных исследований, но вновь в идеологизированном и мифологизированном виде» (с. 3-4). Нам трудно не согласиться с такой оценкой. Можно заметить, что развернуто поставленные далее задачи диссертационного исследования (с. 4-5), его структура и сам текст диссертации вырастают из этой «клеточки». Остается лишь добавить некоторые соображения по существу поднимаемых в тексте диссертации вопросов и проблем.

Давно уже общим местом стал тезис, что необходимой добродетелью историка философии является, помимо прочего, умение обстоятельно и понятно рассказать о предмете своего исследования. Читатель легко убедится, что рецензируемая диссертация в полной мере удовлетворяет этому требованию: язык автора четок и прост (в отличие от пишущего эти строки рецензента), и, вместе с тем, выразителен и красочен. Однако диссертанту при этом удалось не только *не примитивизировать* предмет, но, напротив, *впервые в научной литературе представить реконструкцию системы собственно философских взглядов Н. Г. Чернышевского в ее сложности и оригинальности*. Отметим, что критерием значительного достоинства всякой историко-философской работы также может служить количество книг, которые после ознакомления с ней *становится*

необязательным читать: автором из внушительного количества источников – как перво-, так и комментирующей литературы – бережно «вычитана», «кристаллизована» и выражена оригинальная философская позиция «великого русского ученого», как называл Чернышевского К. Маркс. Можно утверждать, что в данном диссертационном исследовании Чернышевский впервые предстает не фейербахианцем, не позитивистом, не религиозным мыслителем, его мысль не подвергается косвенной интерпретации посредством весьма сомнительных источников, ему не ставится психоаналитический «диагноз» по его дневниковым записям и т.д. Конечно, своего рода *Zeitgeist* не мог не выразиться в трудах Чернышевского; конечно, есть основания говорить о влиянии на него сциентизма и позитивизма, о «следе» фейербаховских или религиозных взглядов в его позиции. Но надо быть совсем уж бездарным – ехидничает Гегель в «Науке логики» – чтобы в наше резонирующее время не суметь подыскать основания для чего угодно: «все, что есть плохого в мире, испорчено на хороших основаниях». Диссертант полностью учитывает этот момент и ставит вопрос об отделении существенного во взглядах Н.Г. Чернышевского от несущественного. И если решить этот вопрос на уровне автора исследования, то можно заметить в мысли Чернышевского исток многих значительных тем, которые найдут свое развитие в философской современности: например, в проблеме идеального, выдающийся вклад в разработку которой внесли Э.В. Ильенков и его последователи.

Мы ставим акцент именно на его, Чернышевского, взглядах, так как без сомнения, именно он является центральной фигурой диссертационного исследования: взгляды Н. А. Добролюбова и П. Л. Лаврова, равно как и взгляды оппонентов и сторонников Чернышевского, выступают здесь для того, чтобы более полно высветить (или оттенить) его философскую позицию. Подчеркнем еще раз: именно философскую, а не социально-политическую, к которой нередко редуцируют теоретическую позицию «вилкойского узника» как симпатизирующие ему авторы, так и его оппоненты. Диссертант не зря ставит эпиграфом одной из глав слова М. М. Розенталя: «Обычный прием его противников – извращение смысла его слов». Это подводит нас к проблеме мифологизации, о которой было сказано уже на первых страницах диссертации, и которая необходимо встает в связи с задачей реконструкции полемики об антропологическом принципе.

Проблема преодоления мифологизации – строго диалектическая. Из приведенной выше цитаты видно, что автор хорошо понимает трудности, стоящие перед исследователем, который претендует на истинность в такой «партийной науке» (по выражению В. И. Ленина), как философия. «Снять», в точном гегелевском смысле, мифологизацию необходимо так, чтобы не впасть в новое мифотворчество, чем грешат большинство современных интерпретаторов Чернышевского: в этом заключается главная проблема, стоящая перед диссертантом. Однако он реконструирует и отстаивает взгляды Чернышевского весьма последовательно: не сторонится полемики, не стесняется спорить с авторитетами, как прошлыми (Г. В. Плеханов и Г. Г. Шпет), так и современными. Делает он это уважительно и по делу, демонстрируя глубину собственного историко-философского суждения, в котором нетрудно увидеть его подлинное основание: уверенную опору на представления, восходящие к античной диалектике. Этот методологический фундамент, как и обращение к трудам Ленина как теоретика, очень редки в современной научной литературе, и их наличие сегодня тем более вызывает неподдельный интерес к исследованию, имеющему и без того немало достоинств.

Автор диссертации предельно точно показывает, что приёмы и аргументы критиков Чернышевского давно не новы. Внимательный читатель, знакомый с творчеством В.В. Набокова увидит немало суждений, которые автор «Дара» позаимствовал из работ В.С.

Соловьева, В.В. Розанова и Г.Г. Шпета. Что тут говорить о современных «мифотворцах»? В процессе критического анализа работы В.К. Кантора о Чернышевском – своеобразном «центре тяжести» всей работы – диссертант с достаточной полнотой высветил для читателя меру ума и истинности, представленную в «Срубленном дереве жизни». Останавливаться на отдельных положениях мы считаем излишним, но стоит отметить, что эта глава диссертации является, пожалуй, самой сильной и убедительной ее частью. Авторский анализ современных представлений о Чернышевском снова показывает правоту классика: «нельзя жить в обществе и быть свободным от него». Претензия на демифологизацию сплошь и рядом оборачивается созданием новых мифов. Это тесно связано с центральной мыслью всего исследования – реабилитацией принципа партийности общественной науки. Распространенная сегодня претензия исследователей говорить от имени чистой науки с осуждением идеологии есть претензия ложная, обманывающая сама себя: чаще всего они не понимают ни противоречивую сущность науки, ни существо идеологии на достаточной для суждения высоте. Но автор диссертации, напротив, отдает себе отчет в природе этих объективно-кажимых превращенных форм. Объективный взгляд в области общественной науки возможен лишь как снятый субъективный, где само снятие совершается на основе утверждения позиции одной из «партий», воплощающей субъектность исторического движения в данную эпоху. Процесс этот в качестве условия своего понимания и воплощения имеет высокий уровень владения диалектическим мышлением. Показательно здесь само обращение к принципу партийности – оно есть выражение самого этого принципа, т.е. партийно, следовательно, выражает вполне определенную общественную позицию и симпатию автора. Однако основана эта симпатия, конечно, не на произволе, а на понимании логики движения исторических форм.

Анализ принципа партийности в работах Чернышевского показывает, что его понимание отличается от ленинского: для последнего характерно, что не только политическая принадлежность определяет теоретическую позицию, но, напротив, гносеологическая линия определяет линию политическую. Ленин понимает этот процесс как взаимодействие, более того, как процесс истины – в глубоко гегелевском духе. Однако истоки этого понимания содержатся и в воззрениях Чернышевского. С последним, правда, трудно согласиться в его призыве *не читать представителей противоположной партии*; диссертант, впрочем, при всей симпатии к главному герою своей работы, не следует этому призыву и внимательнейшим образом изучает труды его оппонентов. Чего, кстати, нельзя сказать о самих оппонентах, которые сплошь и рядом обнаруживают поверхностность в изложении взглядов Чернышевского. Несогласные с его «односторонностью», «наивностью», «метафизичностью» они – точно в соответствии с вульгарно понятым принципом партийности – стремятся поскорее разобраться с противником: что это как не ирония истории, о которой писал Маркс? Но «диалектика мстит за пренебрежение к ней»: и вот мы наблюдаем, как ни переводчик гегелевской «Феноменологии», ни автор энциклопедической статьи о Гегеле для Брокгауза и Ефрона не могут распознать существеннейшее определение теоретической мысли – противоречивое единство – во взглядах Чернышевского на красоту, человека и общество.

Стоит вообще отметить, что родство теоретической позиции Чернышевского с Гегелем, которого он критикует в своей диссертации, куда глубже, чем принято считать (и, вероятно, глубже, чем думал сам Чернышевский); так, понятие «жизнь» он трактует не в том смысле, который оно приобрело в тяготеющей к иррационализму «философии жизни», а куда ближе к диалектической традиции. Для Чернышевского, как и для Маркса, как и для Ильенкова (и это отмечает диссертант), *жизнь* имеет «характер по существу

практический», но генезис этого взгляда следует искать в трудах немецких идеалистов, которым вовсе не чуждо (как полагал Маркс) понимание практики как чувственно-предметной.

С этим связано несколько проблемных аспектов, которые, несмотря на все достоинства диссертации, мы считаем необходимым отметить. Необходимым именно из-за той важной роли, которую играет для автора и его работы принцип партийности. Если бы автор занимал историко-философскую позицию, которая не сознает свою общественную ангажированность и посредством этого не имеет выхода в осмысление чувственно-предметной преобразовательной деятельности и интенции к ней, можно было бы сослаться на то, что представленные замечания относятся к реконструируемой системе, а не к позиции автора. Но отсутствие дополнительного авторского указания о различии этих позиций заставляет предположить, что этого различия нет вовсе. Сразу заметим, что эти проблемные аспекты могли бы сыграть эвристическую роль в дальнейших исследованиях, послужив мотивами для более глубокого вхождения в изучаемую тему.

Первое. Для автора, как и для Н. Г. Чернышевского, принципиальное значение имеет разделение на материализм и идеализм, а также связанное с этим наличие партий, школ, «линии Платона и линии Демокрита». Однако сама определенность этих фундаментальных понятий – *материализм* и *идеализм* – в тексте диссертации не выражается с достаточной полнотой (кроме обыкновенных в таких случаях, и, увы, чисто формальных ссылок на *первичность природы или идеи*), и, более того, не проблематизируется. Можно было бы вспомнить слова Гегеля о том, что давать названия легко; другое дело – действительно понимать. Классификации подходят для написания учебников по истории философии, однако совсем не годятся для практического действия. У автора есть интенция показать синонимичность материализма и монизма, но она не проводится до логического завершения. Так, цитируемый автором Э.В. Ильенков утверждает: «Как и всякий материалист, Фейербах борется против дуалистического противопоставления мышления бытию в качестве исходного принципа философии». Но *идеализм* Гегеля, который обычно критикуют за дуализм (связанный с якобы разрывом между идеей и природой), на самом деле предельно *монистичен*. Более того, можно с уверенностью утверждать, что гегелевский идеализм есть предельно последовательная монистическая система. К тому же сам Гегель понимает *необходимость* монистичности теоретической позиции и требует этого, оценивая *философичность* той или иной системы *именно по степени последовательности проведения этого принципа* (см. примечание «Идеализм» в первом томе «Науки логики»). С учетом же того, что после работ Л. К. Науменко можно считать доказанным, что последовательный монизм возможен лишь как материализм, стоит признать гегелевские взгляды последовательно *материалистичными*. Г. В. Плеханов держался того же мнения: «Идеализм не устанавливает единства бытия и мышления и не может установить его; он его разрывает». Но гегелевская позиция – это принцип тождества мышления и бытия, исходя из которой он в процессе развития своей системы – в сложнейшей диалектике опосредствования мышления и бытия – демонстрирует *снятие всякого возможного разрыва между ними*.

Второе касается определенности понятия религии и религиозности. Кажется правдоподобным, что автор (вслед за Чернышевским, который вполне в духе своего времени заимствует атеистический пафос у французских мыслителей Просвещения прошлого века), «берет напрокат» не только общий – характерный для сциентистских теорий XIX века – настрой в отношении религии, но и представление о ней. Это представление, сполна проявившееся в «научном атеизме» советского времени, не может

быть признано удовлетворительным сегодня; религия не раскрывается с его помощью в своих существенных чертах, не высвечивается теоретически как особый и *необходимый способ (Art und Weise)* духа, не показывается её самодвижение логического прехождения, а отсутствие ее понятия прямым образом влияет на возможность и способ ее упразднения, к которому так стремится материализм в области общественно-практической жизни. Критика религии как формы дуализма, консервирующей разрыв мышления и бытия, куда убедительнее ведется немецким идеализмом. В материалистических же учениях (в том числе в марксизме) именно по причине доставшегося им «наследства» этот вопрос остается своеобразной «костью в горле»: одного изменения обстоятельств оказывается недостаточно, чтобы изменить способ духа человека. Впрочем, эта трудность четко осознана самим Марксом и выражена в четвертом тезисе о Фейербахе.

Еще раз подчеркнем, что указанные выше проблемные места служат рекомендацией к дальнейшему исследованию и вряд ли могут быть признаны дефектами проведенной работы: всякая *недостаточность* скорее способствует развитию диалога, научного поиска, она необходима ему. Уровень диссертационного исследования следует безоговорочно признать высоким и заслуживающим положительной оценки. Это особенно важно подчеркнуть в условиях актуальности рассматриваемой проблемы, о чем пишет во введении сам автор диссертации.

В заключение отметим, что А.А. Черных претендует на весьма амбициозное переосмысление понятия «русская философия». Это совершенно приветствуется нами. Благодаря трудам, подобным данному исследованию, «русская философия» перестает ассоциироваться исключительно с религиозной и теософской мыслью; все чаще можно встретить упоминание В.И. Ленина, М.А. Лифшица, Э.В. Ильенкова как русских философов. Это, без сомнения, связано с самыми жгучими проблемами современности, которые приводят к осознанию противоречивой истории нашей страны и ее мыслителей, их места в мировой истории. Это стоит, однако, понимать, в том смысле, что русская философия только тогда есть *философия*, когда она стоит на высоте, достигнутой всем предшествующим развитием классической мысли, когда она не замыкается в своей особенности, не пестует свое национальное отличие ради него самого, а когда она, напротив, открывается навстречу всеобщему в лице лучших своих представителей. Гегель глубоко замечает, что разных философий не существует – нет *отдельной* философии Платона и Демокрита, Спинозы или Фихте. Философия как всеобщая идеальная форма человеческой деятельности – принципиально одна (единая), и в этом единстве только и лежит основание понимания ее многообразных проявлений. Философия потому и есть *понятие*: форма триединого тождества всеобщего, особенного и единичного есть сам способ ее бытия, неотделимый от способа ее мышления. Иными словами, движение осмысления русской философией себя – это понимание собственной *differentia specifica*, а уже через снятие *этой* определенности она раскрывается как *момент* конкретного (единого в многообразии), и именно этим она, следовательно, упраздняет свою отдельность. В этом направлении идет диссертант, и его работа есть важный шаг на этом пути. Шаг, который является ответом на потребность самого *бытия* как того требовал Н. Г. Чернышевский: «От надобности не уйдешь, не отвертишься. Так не уйдет человек и от истины, потому что по нынешнему положению человеческих дел оказывается с каждым годом все сильнейшая и неотступнейшая надобность в ней».

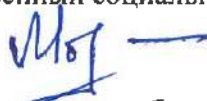
Диссертация Черных Андрея Александровича «Антропологический принцип в русской философии во второй половине XIX века» соответствует научной специальности 5.7.2. История философии.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ, а ее автор, **Черных Андрей Александрович**, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Кандидат философских наук,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет».

Морозов Максим Юрьевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет», факультет политических и социальных технологий, кафедра когнитивно-аналитических и нейро-прикладных исследований, старший преподаватель.

129226, город Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1.

